

Дискуссионный клуб

Академические репутации российских экономистов и их наукометрические оценки*

М. М. Соколов, Е. А. Чечик

*Европейский университет в Санкт-Петербурге
(Санкт-Петербург, Россия)*

Представлены результаты репутационного опроса публикующихся российских ученых-экономистов. Полученный рейтинг ведущих фигур в российской экономической науке сравнивается с их наукометрическими показателями, вычисляемыми Российским индексом научного цитирования (РИНЦ) — цитированием по ядру РИНЦ и по Elibrary, а также с дополнительными показателями, вычисленными на основании данных РИНЦ, — цитированием по Russian Science Citation Index (RSCI). Анализ показывает, что в российской экономической науке существует устойчивая система академического авторитета, но она не находит точного отображения в наукометрических данных. Можно идентифицировать несколько источников расхождений. Ошибки первого рода (идентификация на основании наукометрических показателей как выдающихся ученых тех, кто в действительности не признан коллегами) в первую очередь связаны с ошибками идентификации авторов иноязычных публикаций, нефракционализированным авторством коллективных монографий, с техническим цитированием и прямым манипулированием. Ошибки второго рода (отсутствие признанных коллегами ученых в основанных на наукометрии рейтингах) связаны с неопределенностью дисциплинарных границ и границ национальной науки, а также с тем, что значительное число экономистов признает внесшими вклад в экономическую науку публичных

Соколов Михаил Михайлович (msokolov@eu.spb.ru), к. соц. н., проф. Европейского университета в Санкт-Петербурге; *Чечик Елена Александровна* (elenachechik@gmail.com), м. н. с. Центра институционального анализа науки и образования Европейского университета в Санкт-Петербурге.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант № 21-18-00519). Авторы благодарны за советы и консультации при составлении программы исследования и разработке опросника А. Абалкиной, А. Белянину, Ю. Вымятниковой, К. Губе, А. Либману, Ю. Раскиной, Д. Раскову и А. Яковлеву. Мы также хотели бы поблагодарить В. Глухова за организационную поддержку реализации проекта и П. и Ю. Степанцовых (компания «Synopsis») за дизайн и программирование анкеты.

интеллектуалов или практиков, не производящих академических текстов. Ошибки второго рода менее драматичны — случаи признанных, но не цитируемых ученых редки. Ошибки первого рода более распространены. Показатели по RSCI в этом отношении наиболее надежны.

Ключевые слова: экономическая наука в России, социология экономики, наукометрия, академические рейтинги, академическая репутация.

JEL: A11, A14, B20.

Взаимодействие ученых и общества представляют собой хрестоматийный пример принципал-агентских отношений в условиях предельной информационной асимметрии (Rees, 1985; Van der Muelen, 1998; Braun, Guston, 2003; Соколов и др., 2015; Sokolov, 2021; Carro, 2021). Ученые выполняют работу для общества, но общество — в лице государственных ведомств или частных заказчиков — не может оценить, насколько хорошо эта работа выполнена. Эту оценку могут дать лишь другие ученые. Однако их привлечение сопряжено с двумя взаимосвязанными проблемами. Во-первых, присутствует моральный риск (*moral hazard*). Те, кто оценивают, и те, кого оценивают, могут вступить в сговор (Титаев, 2012). Ученые могут помогать друг другу вводить общество в заблуждение по поводу ценности своих услуг, обмениваясь публичными жестами признания и даже напрямую распределяя вверенные им общественные ресурсы среди членов своей клики. Периодически вспыхивающие — даже в странах, академические системы которых считаются образцами и копируются другими, — скандалы, связанные с деятельностью крупнейших научных фондов (например, см.: Travis, Collins, 1991), показывают, что ученые как агенты, к сожалению, могут удовлетворять собственные интересы за счет принципала.

Эта фундаментальная проблема дополняется второй, носящей скорее технический, чем моральный характер, однако для взаимоотношений науки и общества не менее сложной. Оценка учеными работ друг друга невидима для не-ученых. Разумеется, последние могут привлечь экспертов-инсайдеров, однако, чтобы кто-то провел экспертизу, сначала надо найти экспертов, а чтобы понять уровень эксперта, требуется экспертиза инсайдеров, что создает порочный круг.

Проблема частично решается за счет специальной работы по производству сигналов, делающих оценку инсайдерами видимой для не-ученых. Многие из хорошо знакомых нам институтов науки функционируют как источник подобных сигналов. Самый традиционный и универсальный из них — система степеней. Она, однако, имеет множество недостатков — не слишком устойчива перед лицом моральной угрозы и может быть «взломана», а будучи однажды «взломанной», может полностью девальвироваться: сомнительные доктора наук будут производить себе подобных, не отличимых — с точки зрения не-ученых — от тех, кто полностью заслужил свою степень. Но даже не будучи коррумпированной, система степеней недостаточно гибка. Степень присваивается однажды и не отражает текущие заслуги; когда-то вполне состоятельные исследователи могут «выгореть» или отстать от жизни и потерять связь с передним краем науки, придерживаясь откровенно устаревших воззрений. Наконец, даже

двухуровневые лестницы степеней, например российская, имеют только три ступени (без степени — кандидат наук — доктор наук), но этого явно недостаточно, чтобы охватить все градации академического статуса.

Наукометрию можно считать реакцией на эти проблемы с традиционными символами академического статуса. Наукометрические показатели градуальны, регулярно обновляются и позволяют следить за текущими достижениями. Они, кроме того, в некотором смысле более надежны. За недобросовестное использование цитирования авторов почти неизбежно ждут санкции со стороны компетентных инсайдеров. Действительно, цитирование в научном тексте выполняет риторическую функцию, убеждая редакторов, рецензентов, а затем читателей в том, что авторы владеют соответствующей литературой и не имеют намерения присваивать чужие достижения (Gilbert, 1977; Latour, 1987; Merton, 1988; Cozzens, 1989). Не цитируя тексты, которые заслуживают цитирования, или цитируя те, которые не заслуживают, авторы ставят себя под удар, снижая шансы своей статьи быть опубликованной и воспринятой коллегами.

Благодаря этим привлекательным сторонам наукометрические показатели, основанные на подсчете цитирований, за последние десятилетия стали основным методом оценки исследовательских достижений во многих странах (Rijke et al., 2016). В разных формах — Хирш-индексы, импакт-факторы и квартили журналов — они вошли и в жизнь российских ученых (Губа, 2022). Несмотря на это триумфальное шествие, они подвергаются критике по нескольким направлениям, из которых наиболее существенны три.

Валидность. В метриках, основанных на изучении цитирований, они интерпретируются как аналог голоса, отданного за качество статьи или за качество издания, опубликовавшего эту статью. Однако авторы, цитирующие тот или иной источник, решают при этом совершенно иные задачи, не связанные с идентификацией наилучшего текста, и на количество цитирований могут влиять иные факторы, связанные с оригинальностью статьи лишь косвенно. Многие полезные для большого числа ученых работы могут не быть новаторскими, например регулярно обновляемые справочники или учебники статистики. Цитируемые статьи авторы могут не читать, а в оценке их значимости полагаться на мнения других авторов, тем самым производя феномен научных знаменитостей (celebrities), которых все цитируют, хотя никто не знает точно почему. Тем более спорно использование цитирований с целью составить список экспертов, которые могли бы оценивать коллег, поскольку авторы самых прорывных работ могут быть нетерпимы к чужому мнению, догматичны и в целом лишены свойств, которые каждый из нас хотел бы видеть в тех, кто будет нас оценивать. Кроме того, хотя цитирование можно считать голосами «за», система их подсчета не позволяет увидеть голоса «против»: представители научной школы могут усердно цитировать друг друга, и те, кто распознает только такие сигналы, никогда не поймет, что большинство коллег, к этой школе не принадлежащих, считают ее успехи сомнительными.

Цитатная база. Любые подсчеты цитирований строятся на анализе массивов текстов, отобранных на основании каких-то параметров (языка, типа публикации — например, только журнальные статьи).

Это снижает показатели авторов, которых преимущественно цитируют в текстах с иными параметрами — например, написанных на другом национальном языке. Так, тексты, посвященные проблемам конкретной страны, обычно адресуются локальной аудитории и, соответственно, публикуются и цитируются в локальных изданиях, выходящих на языке этой страны. Есть, однако, и иные эффекты, которые сложнее уловить: разные поколения ученых, а также разные дисциплины и научные школы могут предпочитать разные жанры академического письма (журнальные статьи, сборники, монографии, диссертации, выступления на конференциях). В базах, где учитываются только некоторые из них, автоматически исключаются все прочие. Так, показатели Web of Science и Scopus долгое время высчитывались исключительно на журнальных статьях, отсекая тех, кто публиковался и цитировался в изданиях других типов (хотя надо отметить движение к большей инклюзивности в последние годы, особенно в Scopus).

Манипулирование. В той мере, в какой ученым известно, что кто-то воспринимает цитирование как аналог «голоса», перед нами вновь встает призрак морального риска. Цитирования могут становиться предметом манипулирования: менее принципиальные ученые могут цитировать сами себя, могут обмениваться цитированиями или скупать их у еще менее добросовестных издателей (Cronin, 1998). Цитировать могут под давлением со стороны старших коллег, в надежде на ответные цитирования или для того, чтобы заслужить благосклонность редакторов и рецензентов.

Целью исследования, проведенного группой Центра институционального анализа науки и образования ЕУСПб в сотрудничестве с Научной электронной библиотекой Elibrary, было опробовать альтернативный подход к идентификации научной элиты в российской экономической науке — *репутационный опрос*, в ходе которого опрошенным в эксплицитной форме предлагалось проголосовать за коллег, внесших самый значимый вклад в развитие дисциплины. Таким образом можно оценить, в какой мере цитирования аппроксимируют результаты подобного голосования. Кроме того, такой подход позволяет разделить оценки ученых в разных качествах — как производителей нового знания и как тех, кто оценивает знание, произведенное другими, — и измерить уровень корреляции между ними. Помимо этого, использование экспертных опросов позволяет выйти за пределы наукометрии — например, проанализировать степень консенсуса по поводу заслуг ученых, выделив голоса «против».

Исследовательский контекст

Наше исследование — не первый опыт составления рейтинга российских ученых-экономистов. Впервые попытка такого рода описана в статье И. Дежиной и В. Дашкеева (Дежина, Дашкеев, 2008). Авторы использовали три источника информации — экспертный опрос, число публикаций в отобранных (вероятно, теми же) экспертами списке из 12 ведущих русскоязычных журналов и данные RePEc, который

публикует рейтинги зарегистрированных в нем экономистов. Экспертный опрос представлял собой двухуровневую процедуру, в ходе которой сначала десятерых найденных методом «снежного кома» экспертов просили номинировать ведущих российских экономистов, а затем тот же вопрос задавался выделенным таким способом авторитетным фигурам (точные формулировки вопросов и число экспертов второго тура в отчете об исследовании не указаны). Три разных способа составления рейтинга принесли три разных списка имен, что позволило авторам сделать вывод о фрагментированности российской экономической науки. В свете этого заключения они справедливо указывали на проблематичность использования выборки методом «снежного кома», который неизбежно включает представителей только одной изолированной сети. Столь же проблематичными выглядят, однако, и два других показателя: в RePEc на тот момент зарегистрировались лишь 14 российских экономистов (12 из которых входили в число названных экспертами фигур, что кажется неплохим уровнем совпадения), а число опубликованных статей может быть показателем скорее графоманских наклонностей, чем одаренности.

В 2011 г. была опубликована статья А. Муравьева, который оперировал пятью списками: (1) списком, полученным в ходе экспертного опроса Дежиной и Дашкеева; (2) списком экспертов по экономической политике К. Сонины; (3 и 4) списками ведущих фигур, основанными на числе публикаций и цитирований в РИНЦ и RePEc, с показателями, взвешенными по импакт-фактору публикующего и цитирующего журналов; (5) списком грантов EERC (Муравьев, 2011). На следующей фазе анализа включение в эти списки фигурировало как независимые бинарные переменные в регрессионных уравнениях, зависимой переменной были различные показатели для публикаций в базах EconLit. В итоге рейтинг RePEc и «Список Сонины» продемонстрировали наибольшую предсказательную силу. Вряд ли это можно считать удивительным, учитывая, что RePEc и EconLit фактически в значительной степени перекрываются, а критерии, на которые опирался Сонин в отборе экспертов, несомненно, предполагали способность писать англоязычные статьи, попадающие в EconLit.

Е. Балацкий и Н. Екимова создали рейтинг РААП (Рейтинг академической активности и популярности), опираясь на данные в основном русскоязычного РИНЦ. Они определяли место на основании средней позиции в автоматически предлагаемых Elibragy рейтингах по числу публикаций, цитирований и Хирш-индексу по РИНЦ. Отвечая на возможную критику, основанную на неселективности РИНЦ (Московкин, Синюань, 2017), они определяли свой рейтинг как максимально «демократичный» (Балацкий, Екимова, 2015. С. 111). Хотя создание рейтинга на основании «элитных» изданий определялось ими как задача, все последующие версии их рейтинга опирались на те же источники¹.

Надо отметить статью А. Мальцева (2016), который на основании анкетного опроса 339 респондентов представил списки ведущих современных российских экономистов. Он также сравнивал показатели цити-

¹ Недавние версии рейтинга (последняя вышла в 2019 г.) опубликованы на странице: <http://nonerg-econ.ru/rdata/94/>

рования с количеством поданных за ту или иную фигуру «голосов» — правда, только для современных зарубежных экономистов, с выводом о том, что статус «ведущего» в значительной мере определяется медийной известностью (Мальцев, 2016. С. 145–146). Также необходимо упомянуть рейтинг ведущих российских экономистов, составленный на основании анкетирования их белорусских коллег (Ковалев, 2019).

В проекте, результаты которого представлены в этой статье, мы попробовали решить несколько задач. Во-первых, мы попытались охватить максимально широкий и максимально разнообразный круг российских ученых-экономистов, избежав критики в адрес «снежного кома» или хаотичного распространения анкет по знакомым. Во-вторых, мы попробовали более систематично, чем это делалось прежде, оценить степень конвергенции с оценками, полученными на основании вычисляемой РИНЦ статистики, учитывая не только «демократичную» статистику по всей базе в целом, но и ее, предположительно, более элитарное «ядро», исключаяющее большинство русскоязычных журналов, но включающее показатели по Scopus и Web of Science, а также отдельно рассчитали показатели по RSCI — небольшой подвыборке избранных русскоязычных изданий. В-третьих, мы задокументировали проблемы, с которыми обречены сталкиваться любые использующие РИНЦ исследования такого рода. В статье представлены первые итоги этой работы.

Процедуры и методы

Выборка

Основным методом нашего исследования был анкетный опрос экспертов. Мы использовали в целях исследования базу Электронной научной библиотеки Elibrary, которая относит любую проиндексированную публикацию к одной из широких тематик, включая экономику. Исходное отнесение осуществляется на основании профиля журнала, но в дальнейшем может быть скорректировано на основании тематики цитирующих публикаций. На момент проведения исследования насчитывалось свыше 70 тыс. авторов, имеющих хотя бы одну публикацию по экономике. Нашей целью, однако, было привлечь к проекту тех, кого можно считать экспертом-экономистом. Поэтому мы уточнили критерии и рассматривали тех, у кого экономика была тематикой большинства публикаций, кто опубликовал по меньшей мере три статьи в изданиях, индексируемых РИНЦ, за последние пять лет, и тех, кто был зарегистрирован на сайте Elibrary². Так был получен итоговый список из 36 746 авторов, к которым мы обратились с письмом-приглашением принять участие в исследовании.

Поскольку число информантов, к которым мы могли обратиться, было значительным, мы разделили опрашиваемых случайным образом

² В отличие от прочих, это условие было продиктовано не содержательными соображениями, а техническими ограничениями: в выборку попали те, к кому мы могли обратиться по электронной почте. Зарегистрированы, однако, были свыше 90% тех, кто соответствовал остальным двум критериям.

на шесть подвыборок (А, В, С, D, E, F) по 6124 или 6125 авторов в каждой, из которых первые четыре опрашивались в октябре–ноябре 2021 г., а последние две — в декабре 2021 г.

Респондентам было отправлено приглашение принять участие в опросе со ссылкой на анкету, а через неделю тем, кто не начал заполнять вопросник, было отправлено письмо-напоминание. Примерно половина ответивших откликнулись после первого письма, вторая половина — после напоминания. Всего нам удалось собрать 6392 заполненные анкеты. Доля заполненных анкет составляла от 15,3% (подвыборка В) до 20,9% (подвыборка С). Такая доля откликов превосходит обычную для онлайн-опросов, для которых 10% ответивших считаются хорошим результатом (Van Selm, Jankowski, 2006).

Опросник

Центральной задачей нашего исследования было предложить альтернативную метрикам форму измерения академической репутации ученых. Чтобы уловить разные грани научной репутации, мы задали разным группам экспертов три варианта вопроса о научных достижениях.

1. По Вашему мнению, кто из ныне здравствующих российских экономистов за последние 3–5 лет внес наибольший вклад в развитие исследовательской области или областей, на которых Вы специализируетесь? (вариант анкеты А).

2. По Вашему мнению, кто из ныне здравствующих российских экономистов за последние 3–5 лет опубликовал самые интересные и важные для развития экономической науки работы? (варианты В, D, E, F).

3. Кого из российских экономистов Вы предложили бы включить в общенациональное жюри экспертов (например, в экспертный совет ВАК, в жюри конкурса, распределяющего исследовательское финансирование)? (вариант С).

В дополнение к репутационному блоку мы включили вопросы, которые должны были позволить описать характеристики групп поддержки разных фигур.

Результаты: репутационные рейтинги

Первые 20 строк репутационных рейтингов экономистов приводятся в таблице 1. Первые три столбца содержат распределение ответов на вопросы о внесших вклад в собственную область («локальный рейтинг»), экономическую науку в целом («глобальный рейтинг») и номинантах в жюри. Бросается в глаза значительное совпадение между ними: из 20 внесших вклад в собственную область 15 также названы как внесшие вклад в экономическую науку в целом, 14 — как потенциальные члены жюри; совпадение между внесшими вклад в науку и членами жюри еще выше — 17 из 20 имен встречаются в обоих списках. При этом расхождения в основном ограничены нижними строками: занимающие первые десять строчек в любом из трех списков попадают в топ-20 в двух других. Исключение составляет М. Л. Хазин, который делит

Репутационные рейтинги российских экономистов

Вклад в свою область		Вклад в экономическую науку		Жюри	
экономист	рейтинг	экономист	рейтинг	экономист	рейтинг
1. Глазьев С. Ю.	126	1. Глазьев С. Ю.	649	1. Глазьев С. Ю.	124
2. Аузан А. А.	47	2. Аузан А. А.	253	2. Аузан А. А.	63
3. Делягин М. Г.	39	3. Делягин М. Г.	238	3. Делягин М. Г.	50
4. Клейнер Г. Б.	37	4. Гуриев С. М.	198	4. Клейнер Г. Б.	46
5. Зубаревич Н. В.	34	5. Клейнер Г. Б.	196	5. Гуриев С. М.	37
6. Нуреев Р. М.	28	6. Зубаревич Н. В.	139	6. Полтерович В. М.	25
7. Гуриев С. М.	26	7. Аганбегян А. Г.	136	7. Хазин М. Л.	25
8. Полтерович В. М.	25	8. Полтерович В. М.	124	8. Нуреев Р. М.	21
9. Аганбегян А. Г.	23	9. Капелюшников Р. И.	123	9. Кудрин А. Л.	20
10. Капелюшников Р. И.	23	10. Хазин М. Л.	122	10. Мау В. А.	19
11. Гринберг Р. С.	22	11. Мау В. А.	103	11. Капелюшников Р. И.	18
12. Кузьминов Я. И.	18	12. Катасонов В. Ю.	82	12. Бузгалин А. В.	17
13. Минакир П. А.	16	13. Нуреев Р. М.	77	13. Зубаревич Н. В.	17
14. Елсеева И. И.	15	14. Кузьминов Я. И.	71	14. Аганбегян А. Г.	16
15. Мау В. А.	15	15. Гринберг Р. С.	67	15. Гринберг Р. С.	16
16. Лаврушин О. И.	14	16. Алтухов А. И.	65	16. Катасонов В. Ю.	16
17. Миркин Я. М.	13	17. Бузгалин А. В.	65	17. Алтухов А. И.	15
18. Алтухов А. И.	12	18. Кудрин А. Л.	62	18. Макаров В. Л.	14
19. Бузгалин А. В.	12	19. Сонин К. И.	62	19. Сухарев О. С.	14
20. Гимпельсон В. Е.	12	20. Иноземцев В. Л.	61	20. Бобылев С. Н.	13
Всего номинаций	2792	Всего номинаций	11463	Всего номинаций	3215

Источник: составлено авторами.

с двумя другими экономистами 27–29-е строчки в локальном рейтинге, но поднимается на 10-ю строчку в глобальном рейтинге и на 7-ю — в качестве потенциального члена жюри. В целом различия в позициях отдельных фигур согласуется с ожиданиями: в глобальном рейтинге выше стоят фигуры, ответственные за макроэкономическую политику (А. Л. Кудрин), и эксперты, комментирующие ее в СМИ (М. Л. Хазин, В. Ю. Катасонов), в локальные входят лидеры в некоторых «густонаселенных» предметных областях (П. А. Минакир — региональная экономика, И. И. Елисеева — социально-экономическая статистика). При этом распределение наиболее влиятельных фигур в локальном рейтинге ожидаемо несколько менее концентрированное, чем в глобальном: здесь на первую десятку приходится 14,6% всех номинаций против 19,4% в глобальном. Распределение номинантов в жюри еще менее концентрированное — 13,7%. Тем не менее эту картину в целом можно интерпретировать как свидетельство существования общей иерархии авторитетов, которая устойчива по отношению к вариациям в формулировке вопросов. Мы видим, в частности, что отсутствуют значимые расхождения между теми, кого считают внесшими вклад в науку, и теми, кого хотели бы видеть в жюри; в этом смысле опасение, что ориентация на списки научных достижений может привести к назначению судьями людей, которых при всех их заслугах никто не хотел бы видеть в качестве таковых, не подтверждается данными.

Эта картина общей согласованности пропадает, когда мы переходим к таблице 2, в которой приведены верхние строки рейтингов цитируемости по предлагаемым РИНЦ двум ключевым показателям: по базе Elibrary и по ядру РИНЦ (в которое входит список отобранных экспертами русскоязычных журналов Russian Science Citation Index (RSCI) + базы Scopus и Web of Science)³. К метрикам, автоматически вычисляемым РИНЦ, мы добавили метрику, основанную на цитировании только в RSCI, без Scopus. Среди прочего это дает нам возможность оценить потенциал наукометрического «импортозамещения» данных Scopus.

Уровень согласованности между предлагаемыми РИНЦ метриками и репутационными рейтингами гораздо ниже, чем между репутационными рейтингами как таковыми. В топ-20 по цитированию в Elibrary входят 12 фамилий, которые не фигурируют ни в одном репутационном списке. В ядре РИНЦ таких фамилий 13. Только четыре имени фигурируют в топ-20 всех репутационных рейтингов и всех наукометрических — С. Глазьев, Р. Капелюшников, Г. Клейнер и В. Мау.

Можем ли мы сказать, что эта несогласованность полностью обесценивает наукометрические показатели как способ оценки научной репутации? Проблема в том, что не существует какого-то интуитивно очевидного критерия, какой уровень точности можно считать удовлетворительным. На основании статистических критериев можно сказать лишь, что достигнутая точность значительно превосходит уровень «слепого» угадывания, однако достаточна ли она для того, чтобы метриками можно было пользоваться практически? Ответ на этот вопрос не может быть сформулирован

³ Данные скачаны в начале декабря 2021 г. Приведены распределения для авторов, у которых экономика определена как основная область.

Топ-20 наукометрических рейтингов российских экономистов

Elibrary			Ядро РИНЦ			RSCI		
экономист	количество цитирований	место	экономист	количество цитирований	место	экономист	количество цитирований	место
1. Цветков В. Я.	50 792	–	1. Варшавский А. Е.	6090	213–246	1. Полтерович В. М.	563	8
2. Гохберг Л. М.	32 479	46–48	2. Бирюков С. А.	3829	–	2. Глазьев С. Ю.	524	1
3. Клейнер Г. Б.	26 873	4	3. Майснер Д.	3663	–	3. Капельников Р. И.	377	9
4. Глазьев С. Ю.	25 290	1	4. Цветков В. Я.	3318	–	4. Клейнер Г. Б.	338	4
5. Ушачев И. Г.	21 825	22	5. Гохберг Л. М.	3218	46–48	5. Шаститко А. Е.	334	37
6. Алтухов А. И.	19 302	17	6. Попкова Е. Г.	2812	156–165	6. Гохберг Л. М.	320	46–48
7. Асаул А. Н.	17 902	118–132	7. Глазьев С. Ю.	2584	1	7. Гурвич Е. Т.	311	49
8. Орлов А. И.	16 876	144–155	8. Полтерович В. М.	2327	8	8. Мау В. А.	306	11
9. Савицкая Г. В.	16 456	175–191	9. Прищепов А. В.	2266	–	9. Зубаревич Н. В.	290	6
10. Стародубцева Е. Б.	16 343	–	10. Клейнер Г. Б.	2214	4	10. Лексин В. Н.	260	59–61
11. Кузнецова И. А.	16 214	–	11. Фёдоров М. В.	2168	–	11. Яковлев А. А.	252	175–191
12. Мау В. А.	15 001	11	12. Капельников Р. И.	2156	9	12. Дробышевский С. М.	237	213–246
13. Батковский А. М.	14 905	456–566	13. Орлов А. И.	2151	144–155	13. Авдашева С. Б.	233	74–80
14. Яковец Ю. В.	14 636	133–143	14. Ахметшин Э. М.	2096	758–1110	14. Тамбовцев В. Л.	231	31
15. Капельников Р. И.	13 081	9	15. Зубаревич Н. В.	2054	6	15. Миннакр П. А.	221	21
16. Зубаревич Н. В.	12 829	6	16. Тернер Т.	2054	–	16. Макаров В. Л.	217	32
17. Бурков В. Н.	12 756	327–378	17. Бурков В. Н.	2001	327–358	17. Кудрин А. Л.	206	18
18. Макаров В. Л.	12 750	32	18. Баранов Э. Ф.	1962	–	18. Швецов А. Н.	206	115–117
19. Лаврушин О. И.	12 585	35	19. Мау В. А.	1901	11	19. Ершов М. В.	205	284–326
20. Мельник М. В.	12 351	34	20. Макаров В. Л.	1895	32	20. Порфирьев Б. Н.	201	29–30

Примечание. При составлении этой таблицы мы исключили имена умерших к моменту проведения опроса. Для сравнения в колонках справа приведены места в обобщенном репутационном рейтинге для набравших три и более голосов.

Источник: составлено авторами.

на основании анализа эмпирических данных. Данные дают возможность нам, однако, сравнить, насколько метрики лучше или хуже позволяют идентифицировать исследовательскую элиту, ответив на другой вопрос: «Если решение пользоваться метриками принято, какая из них будет наиболее полезной (или наименее вредной)?» Но даже здесь, с учетом малых чисел, редко удается получить результаты, которые были бы статистически значимыми. Тем не менее мы можем сделать некоторые выводы относительно характера и масштаба ошибок в каждом случае, а также при качественном анализе оценить легкость их исправления.

Таблица 3 содержит данные о пересечениях между репутационными (по строкам) и наукометрическими (столбцы) рейтингами. Так, из топ-20 обобщенного (суммирующего все номинации) репутационного рейтинга 6 человек вошли также в топ-20 списков по цитируемости в Elibrary, 8 человек — в топ-50, 11 — в топ-100 и 12 — в топ-200. Мы видим, что пересечения в клетках, расположенных по диагонали, похожи во всех случаях: треть в топ-20 репутационного рейтинга входит в топ-20 по Elibrary, примерно столько же — в топ-20 по ядру РИНЦ и RSCI и т. д. В целом похожи также уровни расхождения, локализованные в верхнем правом углу, которые можно назвать, по аналогии со статистическими критериями, «ошибками второго рода» — вероятностью того, что признанные коллегами фигуры не пройдут через наукометрическое «сито». Значительно больше вариация в уровнях «ошибок первого рода» (левый нижний угол), соответствующих ситуациям, когда кто-то на основании наукометрических показателей будет воспринят как признанный ученый, в действительности таковым в глазах коллег не являясь. Здесь у ядра РИНЦ худший результат, а RSCI — лучший (различие значимо на уровне 0,1). В качестве альтернативной метрики, оценивающей уровни

Т а б л и ц а 3

Пересечение репутационных и наукометрических рейтингов

Номинация	Топ-20	Топ-50	Топ-100	Топ-200
<i>Elibrary</i>				
Топ-20	6	8	11	12
Топ-50*	11	17	26	33
Топ-100	11	23	41	58
Топ-200	15	31	55	84
<i>Ядро РИНЦ</i>				
Топ-20	6	9	12	16
Топ-50	8	17	24	33
Топ-100	8	19	34	52
Топ-200	10	24	42	70
<i>RSCI</i>				
Топ-20	7	11	13	14
Топ-50	14	22	27	32
Топ-100	16	30	38	51
Топ-200	18	35	48	71

* 50–52-ю строчку занимали три экономиста, набравшие 33 голоса. Мы включили в топ-50 первого по алфавиту. Аналогичным образом было принято решение, кого из набравших «полупроходной балл» включать в топ-100 и топ-200.

Источник: составлено авторами.

совпадения, можно вычислить корреляцию положения фигур научных авторитетов в разных рейтингах. Так, если мы берем попавших в топ-20 репутационного рейтинга, то их строка в нем коррелирует с цитированием по Elibrary на уровне 0,356, с цитированием по ядру — на уровне 0,463, а с RSCI — на уровне 0,502 (ранговые корреляции Спирмена). В данном случае показатель по ядру опережает показатель по Elibrary, однако надо учесть, что при подсчитанном таким образом показателе «вес» ошибок первого рода ниже⁴.

Причины возникающих в каждом случае ошибок позволяет понять качественный анализ расхождений между репутационными и метрическими рейтингами, некоторые из них возникают вследствие особенностей организации базы РИНЦ, некоторые — из-за многократно описанных проблем наукометрических показателей, а некоторые — из-за двойственного статуса экономического знания в целом. Ниже мы перечислим семь источников наблюдаемых расхождений.

Неопределенность границ экономической науки и временами спорные дисциплинарные привязки в РИНЦ. Так, к экономистам отнесен В. Цветков (геоинформатика), однако не отнесен Я. Кузьминов (уверенно входящий в топ-20 репутационных рейтингов, но исключенный из рейтингов цитируемости, так как РИНЦ квалифицирует его как специалиста по образованию — хотя большая часть его публикаций отнесены к экономическим). Этот фактор стал основным источником ошибок второго рода для всех метрик.

Ошибочная атрибуция статей. К некоторым профилям экономистов ошибочно привязаны высокоцитируемые статьи авторов, обычно специалистов по математике и естественным наукам; такие случаи особенно заметны в рейтинге, основанном на цитировании, в ядре РИНЦ (примером могут служить публикации экономиста из ЦЭМИ А. Е. Варшавского, к профилю которого привязаны публикации биохимика А. Я. Варшавского). Этот фактор был основным источником ошибок первого рода в «ядре»: всего из топ-20 по ядру РИНЦ четверо своим положением были обязаны ошибочной идентификации. Отметим, что данные по RSCI значительно более устойчивы в этом отношении.

Соавторство. За значительную часть расхождений между репутационными и наукометрическими рейтингами ответственна также российская традиция издания коллективных монографий, которые представляют собой, по сути, сборники, но их цитирования записываются

⁴ Если мы подсчитаем корреляцию с числом поданных «голосов» для тех, кто попал в топ-200 по ядру, то получим 0,284. Аналогичный показатель для Elibrary составляет 0,361, для RSCI — 530. Интересно подсчитать аналогичный показатель для всех, кого упоминали в репутационном опросе. Но такие подсчеты можно выполнить только с очень большой долей погрешности. Во-первых, это требует ручной идентификации тысяч названных в ходе опроса с авторскими профилями. При этом надо учитывать, что общее число потенциально подходящих профилей существенно больше, чем 36 000 найденных нами профилей экономистов, поскольку некоторые из них не публиковались в последние годы. В этих условиях для по крайней мере половины названных в ходе опроса в списке профилей находится несколько возможных соответствий, выбор между которыми приходится делать на основании произвольных догадок. Во-вторых, нужно определить, какие из этих профилей относятся к ныне живущим экономистам, поскольку анкетный вопрос эксплицитно запрещал называть покойных. Поскольку в данном случае нашей задачей было оценить, насколько точна идентификация научной элиты разными методами, мы отложили решение этих задач. Мы благодарны анонимному рецензенту за предложение использовать корреляцию.

РИНЦ на счет нескольких десятков авторов, тем самым создавая благоприятные условия для умножения ошибок первого рода.

Национальность. На фазе планирования исследования мы много спорили о том, следует ли задавать вопрос о том, кого считать «российским» экономистом. В качестве критериев предлагались текущая институциональная аффилиация или использование русского в качестве языка научной коммуникации. Именно последний критерий по факту реализован в РИНЦ, в котором профиль получают или авторы, регулярно публикующиеся в русскоязычных журналах, или те, кто сам создал себе профиль в русскоязычной базе. Хотя эти критерии в общем разумны, результатом применения данного подхода стало появление в рейтинге, основанном на цитировании в ядре РИНЦ, таких спорных случаев, как А. Прищепов (специалист по природопользованию из университета Копенгагена), Д. Майснер и Т. Тернер (специалисты по экономике инноваций, работающие в ВШЭ, но не имеющие русскоязычных публикаций), и отсутствие в нем Е. Журавской, которая на момент сбора данных не имела профиля в РИНЦ, однако ее часто называли участники опроса.

Жанр публикаций. Этот пункт возвращает нас к традиционным проблемам наукометрии. Некоторые из наиболее цитируемых в русскоязычном академическом пространстве текстов представляют собой переводы (которые РИНЦ не всегда отличает от соавторства), словари или учебные пособия. Хотя они, видимо, считаются релевантными и полезными источниками, имена их авторов не приходят большинству экономистов на ум, когда их спрашивают о «вкладе в науку», и их появление на первых строчках наукометрических рейтингов воспринимается как вопиющий случай ошибок первого рода. Действительно, в число фигур, имеющих наибольшие цитатные показатели по Elibrary, но занимающих более скромные позиции в репутационных списках, входят авторы учебных пособий и справочников (например, А. Асаул). В данном случае, однако, на основании сравнения списков мы можем лишь констатировать различие, но не можем сказать, является ли в глазах самих экономистов оно недостатком показателей цитирования по Elibrary или репутационного опроса.

Манипулирование. Интуитивно кажется, что действительно монументальные наукометрические показатели сложно «накрутить», особенно если речь идет о показателях, опирающихся на цитирование в рецензируемых журналах. Однако изучение нашей базы свидетельствует об обратном. Так, по крайней мере в случае двух профилей, попавших в топ-20 по ядру РИНЦ, мы наблюдаем значительную долю публикаций в исключенных из Scopus журналах (включая печально известные Mediterranean Journal of Social Sciences и Asian Social Science) и очень высокую для экономики долю самоцитирования и цитирования соавторами (свыше 40%).

Граница между экономической наукой и практикой. Часть экономистов имеют весьма широкие взгляды на то, что может считаться «вкладом в экономическую науку», и готовы причислить к таковым заслуги практиков, например Кудрина, или участие в публичных дискуссиях, протекающих преимущественно в масс-медиа (Хазин).

Остается открытым вопрос о том, какова доля экономистов, готовых присоединиться к этому взгляду на вещи, и о том, считать ли недооценку подобных заслуг достоинством или недостатком наукометрии.

Общий вывод следующий: репутационные и библиометрические показатели, как предлагаемые РИНЦ, так и вычисленные на основе его данных, достаточно эффективны, чтобы избежать ошибок первого рода. Сложно быть широко признанным и при этом не цитируемым. Самый яркий пример расхождения — Хазин, совокупное число цитирований которого по Elibragu на конец 2021 г. не достигло 500 (включая не привязанные к профилю), из них менее 100 — в ядре, тем самым помещая его в пятую тысячу среди экономистов по этому параметру. Важно, однако, что это единственный такой пример, а работы других публичных фигур (С. Глазьева, М. Делягина, В. Иноземцева) одновременно широко цитируются. Неустранимым источником ощущаемых ошибок остаются неопределенность дисциплинарных границ и неразрешимость вопроса о национальности экономистов, но они возникают лишь в относительно ограниченном числе случаев. Практический вывод состоит в том, что *библиометрические показатели можно — с должной осторожностью — использовать как фильтр.*

Число ошибок первого рода существенно зависит от используемой метрики. Оно максимально в случае ядра РИНЦ вследствие многочисленных неточностей с идентификацией авторов англоязычных публикаций в Scopus и минимально в случае RSCI. В RSCI нет ученого, входящего в топ-20, чей репутационный рейтинг ниже 327-й строки (кто не входит в 1% российских экономистов по этому параметру, если брать нашу совокупность 36 000 за точку отсчета). Кроме того, показатели по RSCI можно достаточно легко усовершенствовать: самым многообещающим способом достичь быстрых результатов выглядит внедрение фракционного счета, способного понизить вес сборников и справочников. В этом смысле, похоже, что уход от счета по Scopus может несколько повысить качество оценок.

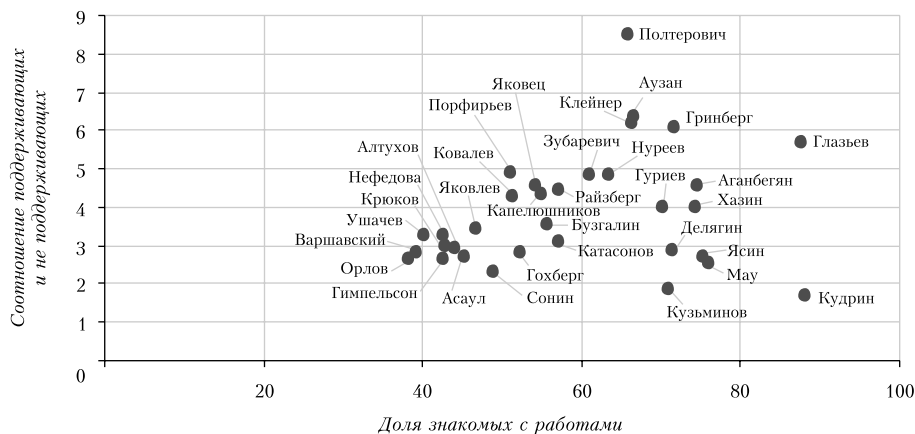
Есть ли у ведущих экономистов весомые «антирейтинги»?

Существуют ли фигуры, чья номинация в репутационном опросе и цитирование зависят от сравнительно небольшого числа преданных почитателей, хотя отношение большинства коллег к ним скептическое — или потому, что они представляют вызывающее споры научное течение, или потому, что они играют роль, например, публичного интеллектуала, которую большинство не готово считать академической? На второй волне опроса экономистов был добавлен закрытый вопрос, в котором респондентов просили определить отношение к номинированию 32 фигур в качестве авторов, внесших вклад в экономическую науку (по 16 имен в каждом варианте вопросника). В этот список входили те, кто по результатам первого этапа заняли первые 20 строчек по числу номинаций, плюс некоторые из вошедших в третий десяток, однако после завершения первой волны казалось возможным,

что они окажутся в топ-20 (В. Крюков, Б. Порфирьев, Е. Ясин). Мы добавили также несколько фигур, чьи библиометрические показатели в значительной мере не согласованы с опросными (А. Е. Варшавский, Л. Гохберг, Т. Нефедова, которые набирали значительное число цитирований по ядру РИНЦ, и Асаул, А. Орлов, Ю. Яковец, которые имели высокие показатели по Elibrary).

Добавляя их, мы рассчитывали понять, чем объясняется расхождение номинирования и цитирования. Одним возможным объяснением были когнитивные эффекты: некоторые фигуры легче вспомнить в силу, например, их публичной видимости, чем другие, не менее почитаемые фигуры, которых не вспоминают в момент опроса. Поскольку над цитированием в статьях люди обычно думают дольше, чем над ответами на вопросы анкеты, цитирование может точнее отражать их представления о важности. Если бы это объяснение соответствовало действительности, то цитируемые, но не номинируемые фигуры оценивались бы не ниже или даже выше, чем часто номинируемые, но реже цитируемые. Альтернативное объяснение состоит в том, что часто цитируют, но не упоминают в опросе тех, чьи произведения принадлежат к «низшим» жанрам, считаясь полезными, но не вполне дотягивающими до стандарта «вклада в науку». Вопрос звучал так: «Данное исследование состоит из двух этапов. На предыдущем этапе мы также просили экспертов номинировать российских экономистов, которые „опубликовали наиболее важные и интересные для развития экономической науки исследования“». Сейчас мы хотели бы оценить степень консенсуса по поводу таких оценок. Ниже приводятся некоторые из упомянутых на первом этапе имен. Мы попросим Вас сказать, знакомы ли Вы с работами этих ученых и согласны ли Вы с их оценками как „наиболее важных и интересных“?» Помимо согласия или несогласия, можно было выбрать вариант «Не знаком с его/ее работами».

**Доля сообщивших о знании работ
и соотношение долей поддерживающих/скорее поддерживающих
и не поддерживающих/скорее не поддерживающих
оценку работ как внесших значительный вклад**

Источник: расчеты авторов.

Рис.

На рисунке изображена связь между числом не знакомых с работами (по оси X) и соотношением долей согласных с тем, что указанный автор внес значительный вклад, и несогласных с этим (от числа знакомых с работами, по оси Y).

Первый вывод: в целом оценки экономистами работ своих коллег сдвинуты в положительную сторону; самое низкое соотношение согласных и несогласных — 1,67 у Кудрина — все равно демонстрирует перевес согласных в пропорции $5/3$. Предположение, что у некоторых экономистов есть мощный антирейтинг, который невидим из-за их поддержки узким кругом поклонников, не находит подтверждения.

Также не находит подтверждения и когнитивная гипотеза о расхождении между опросными и наукометрическими показателями. Цитируемые, но редко номинируемые в опросе авторы в основном сосредоточены в левом нижнем углу: они менее известны, а те, кому они все же известны, в меньшей степени уверены в ценности их научного вклада. Здесь оказываются те, чьи наукометрические показатели суть результат неточных идентификаций (А. Е. Варшавский) и представители смежных дисциплин (Т. Нефедова, Л. Гохберг). Сюда же попадают авторы учебников — А. Орлов и А. Асаул. Последнее согласуется с предположением о том, что цитирование и номинирование различаются, поскольку цитируемые работы рассматриваются как инструментально очень полезные и интенсивно используются теми, кто их читал, но при этом видятся как взаимозаменяемые произведения «низших» академических жанров.

В целом чем более известны авторы, тем выше доля положительно оценивающих внесенный ими вклад и тем выше согласованность наукометрических и репутационных оценок. Значительным отклонением от этой линейной последовательности можно считать группу в правом нижнем углу, в которую входят широко известные благодаря их медийной (Деягин), научно-административной (Мау, Кузьминов) и/или политической (Кудрин, Ясин) активности. Здесь можно предполагать, что сказывается отсутствие консенсуса в отношении того, что считать вкладом в науку: голосов тех, кто согласен считать таковыми политические выступления, достаточно, чтобы их фавориты попали в рейтинг, однако голосов несогласных достаточно, чтобы создать весомый антирейтинг. Но поскольку все упомянутые авторы известны своей политической позицией, антирейтинг может создаваться голосами политических оппонентов (это в равной степени затрагивает публичные фигуры как либералов, так и консерваторов). Отчасти этим фактором можно объяснить то, что ниже диагонали из левого нижнего в правый верхний угол располагаются точки А. Аганбегяна, С. Гуриева и С. Глазьева, известных своими политико-экономическими комментариями.

* * *

Наше исследование представляло собой эксперимент по созданию ненаукометрической системы статусных сигналов, которые позволяли бы не-ученым идентифицировать научные элиты. Мы сравнили полученные результаты с наукометрическими оценками, чтобы понять, существует ли необходимость в этом альтернативном канале или ре-

зультаты дублируют уже доступные наукометрические показатели. Мы обнаружили, что основные метрики, доступные сейчас в РИНЦ, в значительной мере не согласованы с полученными нами репутационными оценками. Эта несогласованность возникает по нескольким причинам. Некоторые из них глобальны и давно занимают умы философов науки (как определить, что есть «вклад в науку» в случае обществознания, и относится ли к нему общественное просвещение?), другие можно сравнительно легко устранить, скажем, при внедрении фракционного счета в случае с коллективными монографиями. Специально вычисленные в рамках этого исследования показатели по RSCI дали наилучшие в этом отношении результаты. В этом смысле информационная асимметрия, существующая в отношениях науки и общества, может быть сокращена, если не устранена совсем.

Данный анализ, разумеется, не исчерпывает возможностей, которые предоставляют результаты проведенного исследования, тем более что форма исследования позволила нам задать много вопросов о разных сторонах биографий и интеллектуальных предпочтений экономистов. Очевидно, мы не затрагивали вопрос о том, насколько согласованы репутационные рейтинги со всевозможными показателями, рассчитанными на международных базах, начиная с RePEc (степень совпадения ниже, чем в случае РИНЦ). Далее, имея на руках данные, собранные в ходе этого исследования, можно анализировать комбинации встречающихся имен, таким образом построив карту сегментации «рынка идей» в российской экономической науке. Наконец, привлекательной возможностью выглядит анализ профилей поклонников того или иного таланта. В этой статье мы сознательно (хотя и не без труда) удержались от того, чтобы строить гипотезы о причинах «голосования» за ту или иную фигуру или о факторах, которые приводили его или ее в рейтинг. Разумеется, некоторые соображения по этому поводу напрашиваются (начиная с самых простых — вроде того, что хотя 62% отвечавших на наши вопросы были женщинами, в списке топ-20 лишь две женские фамилии; что самым молодым фигурантам нашего списка в этом году исполнилось или исполнится 50 и что все, проживающие в России, живут в Москве и работают в небольшом числе ведущих институтов). Более содержательный анализ интеллектуальных предпочтений экономистов остается, однако, темой для будущей работы.

Список литературы / References

- Балацкий Е. В. Екимова Н. А. (2015). Рейтингование участников российского рынка экономических исследований // Журнал институциональных исследований. Т. 7, № 3. С. 102–121. [Balatsky E. V., Ekimova N. A. (2015). Ranking the participants of economic studies market in Russia. *Journal of Institutional Studies*, Vol. 7, No. 3, pp. 102–121. (In Russian).] <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.3.102-121>
- Губа К. С. (2022). Наукометрические показатели в оценке российских университетов: обзор исследований // Мир России. Т. 31, № 1. С. 49–73. [Guba K. S. (2022). Scientometric indicators in the evaluation of Russian universities: A literature review. *Universe of Russia*, Vol. 31, No. 1, pp. 49–73. (In Russian).] <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-49-73>

- Дежина И. Г., Дашкеев В. В. (2008). Есть ли в России ведущие экономисты и кто они. М.: Институт экономики переходного периода. [Dezhina I. G., Dashkeev V. V. (2008). *Russia's leading economists, and where to find them*. Moscow: Institute for Transitional Economics. (In Russian).]
- Ковалев А. В. (2019). Сообщество экономистов Беларуси: теоретико-методологический портрет в социологическом свете // Банкаускі веснік. № 8. С. 3–14. [Kovalev A. V. (2019). The community of Belarusian economists: Theoretical and methodological portrait in the light of sociology. *Bankauski Vesnik*, No. 8, pp. 3–14. (In Russian).]
- Мальцев А. А. (2016). Российское сообщество экономистов: особенности и перспективы // Вопросы экономики. № 11. С. 135–158. [Maltsev A. A. (2016). Russian community of economists: Main features and perspectives. *Voprosy Ekonomiki*, No. 11, pp. 135–158. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-11-135-158>
- Московкин В. М., Синюань С. (2017). Рейтингование экономистов: современное состояние вопроса и перспективы дальнейших исследований // Научная периодика: проблемы и решения. Т. 7, № 1. С. 20–45. [Moskovkin V. M., Xingyuan S. (2017). Economist rankings: Modern state and prospects for future studies. *Nauchnaya Periodika: Problemy i Resheniya*, Vol. 7, No. 1, pp. 20–45. (In Russian).] <https://doi.org/10.18334/nppir.7.1.38336>
- Муравьев А. А. (2011). О российской экономической науке сквозь призму публикаций российских ученых в отечественных и зарубежных журналах за 2000–2009 гг. // Экономический журнал ВШЭ. № 2. С. 237–264. [Muravyev A. A. (2011). On the Russian economic science in the mirror of publications of Russian scientists in Russian and foreign journals in 2000–2009. *HSE Economic Journal*, No. 2, pp. 237–264. (In Russian).]
- Соколов М., Губа К., Зименкова Т., Сафонова М., Чуйкина С. (2015). Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах. М.: Новое литературное обозрение. [Sokolov M., Guba K., Zimenkova T., Safonova M., Chuikina S. (2015). *Becoming a professor: Academic careers, markets, and power in five countries*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russian).]
- Титаев К. Д. (2012). Академический сговор // Отечественные записки. № 2. С. 184–194. [Titaev K. D. (2012). The academic collusion. *Otechestvennye Zapiski*, No. 2, pp. 184–194. (In Russian).]
- Braun D., Guston D. H. (2003). Principal-agent theory and research policy: An introduction. *Science and Public Policy*, Vol. 30, No. 5, pp. 302–308. <https://doi.org/10.3152/147154303781780290>
- Carro F. R. (2021). What is a scientific article? A principal-agent explanation. *Social Studies of Science*, Vol. 51, No. 2, pp. 298–309. <https://doi.org/10.1177/0306312720951860>
- Cozzens S. E. (1989). What do citations count? The rhetoric-first model. *Scientometrics*, Vol. 15, No. 5, pp. 437–447. <https://doi.org/10.1007/BF02017064>
- Cronin B. (1998). Metatheorizing citation. *Scientometrics*, Vol. 43, No. 1, pp. 45–55. <https://doi.org/10.1007/bf02458393>
- Gilbert N. (1977). Referencing as persuasion. *Social Studies of Science*, Vol. 7, No. 1, pp. 113–122. <https://doi.org/10.1177/030631277700700112>
- Latour B. (1987). *Science in action: How to follow scientists and engineers through society*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Merton R. K. (1988). The Matthew effect in science, II: Cumulative advantage and the symbolism of intellectual property. *Isis*, Vol. 79, No. 4, pp. 606–623. <https://doi.org/10.1086/354848>
- Rees R. (1985). The theory of principal and agent. Part 1. *Bulletin of Economic Research*, Vol. 37, No. 1, pp. 3–25. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8586.1985.tb00179.x>
- Rijke S. D., Wouters P. F., Rushforth A. D., Franssen T. P., Hammarfelt B. (2016). Evaluation practices and effects of indicator use – a literature review. *Research Evaluation*, Vol. 25, No. 2, pp. 161–169. <https://doi.org/10.1093/reseval/rvv038>

- Sokolov M. (2021). Can Russian research policy be called neoliberal? A study in the comparative sociology of quantification. *Europe-Asia Studies*, Vol. 73, No. 6, pp. 989–1009. <https://doi.org/10.1080/09668136.2021.1902945>
- Travis G. D. L., Collins H. M. (1991). New light on old boys: Cognitive and institutional particularism in the peer-review system. *Science, Technology, and Human Values*, Vol. 16, No. 3, pp. 322–341. <https://doi.org/10.1177/016224399101600303>
- Van der Meulen B. (1998). Science policies as principal–agent games: Institutionalization and path dependency in the relation between government and science. *Research Policy*, Vol. 27, No. 4, pp. 397–414. [https://doi.org/10.1016/S0048-7333\(98\)00049-3](https://doi.org/10.1016/S0048-7333(98)00049-3)
- Van Selm M., Jankowski N. W. (2006). Conducting online surveys. *Quality and Quantity*, Vol. 40, No. 3, pp. 435–456. <https://doi.org/10.1007/s1113500580818>
-

Academic reputations of Russian economists and their scientometric estimates

Mikhail M. Sokolov*, Elena A. Chechik

Authors affiliation: European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia).

* Corresponding author, email: msokolov@eu.spb.ru

The article presents the results of an academic reputation survey of Russian economists ($N = 6392$). The resulting ranking is then compared with their scientometric indicators provided by the Russian Science Citation Index (citations in eLibrary and in RSCI core), as well as calculated by the authors (citations in the RSCI list of distinguished journals). The analysis demonstrates that a robust hierarchy of academic authority exists in Russia, which is, however, only moderately correlated with scientometric indicators. We can classify discrepancies into type I errors (researchers with high citation rates are not enjoying recognition by peers) and type II errors (recognized researchers have poor scientometric records). Type I errors mostly result from (1) misidentification of authors; (2) non-fractionalized authorship of collected volumes; (3) instrumental citing; (4) gaming the metrics. Type II errors arise from ambiguity of the disciplinary boundaries of economics and boundaries of national science, as well as from the ambiguous status of public intellectuals addressing economic issues and politicians responsible for economic policy. Overall, type II errors are less dramatic: it is hard for Russian economists to be widely influential, but little cited. Type I errors are much more widespread. Indicators based on the RSCI list of distinguished journals give the most accurate estimates.

Keywords: economic science in Russia, sociology of economics, scientometrics, reputation surveys, academic rankings, academic reputations.

JEL: A11, A14, B20.